

Оригинальная статья

УДК 316.35

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-4-86-97>

От двора до Кремля: траектории городского конфликта в медиаинфраструктуре

Зоя Николаевна Отто

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
z.sergeeva@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4296-2008>*

Введение. Статья посвящена анализу трансформации природы городского конфликта в условиях глубокой медиатизации и доминирования социальных сетей. Именно социальные сети перераспределяют влияние между акторами городского конфликта, создавая новые возможности для мобилизации и конкуренции за публичное внимание.

Методология и источники. Эмпирическую базу составили Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (N = 127) и контент-анализ 3070 упоминаний в социальных сетях «ВКонтакте» и «Телеграм» (сервис Popsters). На основе данных предполагается, что компетентные акторы обладают информационными каналами, публичным капиталом, доступом к дифференцированной структуре публичного информирования и контролем над медиаресурсами. В сложных конфликтах с высокой материальной или символической ценой применяют мультиканальную стратегию.

Результаты и обсуждение. Статья описывает медийную инфраструктуру («ВКонтакте», «Телеграм») как ключевой ресурс мобилизации горожан в конфликт. Автор выделяет восемь ступеней распространения информации в конфликтной повестке города, группируемых в три категории по принципу институциональности источника. Выделены вертикальный (связь с федеральной повесткой) и горизонтальный (консолидация локальных сообществ) векторы эскалации конфликтов в медиа. Социальные сети трансформировали природу медийной инфраструктуры и городского конфликта, став ресурсом мобилизации. Условия попадания конфликтов в федеральную повестку: высокий региональный ER (Engagement Rate), наличие универсального социального недовольства, связь с общероссийской повесткой, этномаркированные/этнические и социокультурные конфликты.

Заключение. В медиаполе конфликта фиксируется передел власти: агенты со «слабыми» позициями (блогеры, активисты) отвоевывают влияние у институциональных СМИ благодаря равнозначному доступу к вниманию, доверию и вовлеченности аудитории. Результаты применимы в управлении городскими конфликтами и разработке механизмов согласования интересов в городской среде.

Ключевые слова: городская конфликтность, социальные сети, Новосибирская агломерация, медиаинфраструктура, сетевая мобилизация, управление конфликтами

Для цитирования: Отто З. Н. От двора до Кремля: траектории городского конфликта в медиаинфраструктуре // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 4. С. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-4-86-97

© Отто З. Н., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

From the Neighborhood to the Kremlin the Trajectories of Urban Conflict in Media Infrastructure

Zoya N. Otto

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
z.sergeeva@corp.nstu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4296-2008>*

Introduction. The article analyzes the transformation of the nature of urban conflict in the context of deep mediatization and the dominance of social networks. It is social networks that redistribute influence among urban conflict actors, creating new opportunities for mobilization and competition for public attention.

Methodology and sources. The empirical basis consists of the Geoinformational Database of Conflicts of the Novosibirsk Agglomeration (N = 127) and a content analysis of 3,070 mentions on social networks VKontakte and Telegram (Popsters service). Based on the data, we assume that competent actors possess information channels, publicity capital, access to a differentiated structure of public information, and control over media resources. In complex conflicts with high material or symbolic stakes, they apply a multichannel strategy.

Results and discussion. The study describes the media infrastructure (VKontakte, Telegram) as a key resource for mobilizing citizens into conflict. The author identifies eight stages of information dissemination in the city's conflict agenda, which can be grouped into three categories according to the principle of source's institutionality. The study highlights vertical (connection with the federal agenda) and horizontal (consolidation of local communities) vectors of conflict escalation in the media. Social networks have transformed the nature of media infrastructure and urban conflict, becoming a mobilization resource. Conditions for conflicts to enter the federal agenda include: high regional ER, the presence of universal social discontent, conflicts related to the all-Russian agenda, ethnically marked/ethnic conflicts, and sociocultural conflicts.

Conclusion. A redistribution of power can be observed in the media field of conflict: agents with «weak» positions (bloggers, activists) are «winning back» influence from institutional media. This became possible due to equal access to audience attention, trust, and engagement. The results are applicable to urban conflict management and the development of mechanisms for coordinating interests in the urban environment.

Keywords: urban conflict, social networks, Novosibirsk agglomeration, media infrastructure, network mobilization, conflict management

For citation: Otto, Z.N. (2026), "From the Neighborhood to the Kremlin the Trajectories of Urban Conflict in Media Infrastructure", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 4, pp. 86–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-4-86-97

Введение. Медиатизация повседневности становится нормой, а фотосъемка или видеозапись конфликтной ситуации – обыденным поведением горожан. Опубличивание конфликтной ситуации с непосредственным участием или в роли свидетеля изменило социальный, политический, культурный дискурс и саму структуру коммуникации. Изношенная теплотрасса рано или поздно прорвется, и материал о коммунальной аварии появится в сети незамедлительно; в месте компактного проживания мигрантов рано или поздно случится конфликт с местными жителями, а триггером конфликта станет комментарий в социальной сети. Стремление изменить роль от свидетеля к полноценному участнику/актору конфликта осуществляется через механизмы простой передачи интересного контента модератору ло-

кального канала или городского паблика. Такие социальные практики формируют новую социальную среду и расширяют возможности, виртуальная реальность активно влияет на события, происходящие в реальной жизни.

Возникает как минимум три типа пользователей социальных сетей: субъекты коммуникации, публикующие события личной жизни на частной странице; те, кто обладают информационной культурой и может передать информацию в онлайн-приемные органы государственной власти, центры управления регионами, СМИ, популярные новостные каналы/группы в социальных сетях; и третий тип пользователя – те, кто сам создал и развивает канал по конкретной тематике, и они, как правило, способны профессионально управлять информацией и влиять на развитие конфликтных ситуаций. «В сентябре 2025 г. число активных авторов в социальных медиа в России составило 85,6 млн. Авторы написали 1,7 млрд публичных сообщений – постов, репостов и комментариев. Это рекордные показатели по авторской активности за все время наблюдений, начиная с 2013 г.» [1].

В современных российских исследованиях практики использования личных каналов в социальных сетях авторами-непрофессионалами в целях эскалации локального конфликта изучены недостаточно. Авторы сообщений в социальных медиа обретают опыт распознавания и задействования ресурсов цифровой медиаинфраструктуры (сеть пабликов, блогеров, локальные и федеральные каналы, СМИ). Алгоритмические платформы, как кровеносная система, связывают генерируемый контент и обеспечивают его движение через рекомендательные системы – от личного аккаунта к паблику и далее к федеральным СМИ. Такая архитектура позволяет транслировать локальную проблему на федеральный уровень. Эти процессы полностью меняют традиционные модели агентности и медиационного посредничества, формируя новые формы публичного, цифрового конфликтогенерирования.

Социальные сети и мессенджеры («ВКонтакте», «Телеграм») создают новые формы социальной организации; ряд авторов анализируют, как такие платформы становятся посредниками в ключевых сферах жизни [2]. Социальные сети рассматриваются как элементы платформенной инфраструктуры, которая, как отмечается в [2], «активно формирует социальные и экономические практики через свою техническую архитектуру, бизнес-модели и структуры управления» [2, р. 4]. Такой подход позволяет понять, как стратегии акторов в городских конфликтах зависят от алгоритмических стимулов к вовлеченности (ER) и интерфейсных решений платформ. Данные и внимание пользователей превращаются в экономически выгодный ресурс [3].

Препятствием для целостного анализа является отсутствие значимого объема эмпирического материала, способного отобразить влияние социальных сетей в городских конфликтах. Кроме того, если ранее источником публичной информации являлись СМИ, то сегодня цифровизация позволяет каждому гражданину выступать одновременно в качестве автора и адресата, а потому подрывается разделение частной и публичной сфер [4; 5].

Теоретической рамкой исследования является изучение информационного и цифрового общества. М. Кастельс в своей теории сетевого общества доказывает, что информационные технологии и сети становятся новой морфологией современных обществ [6, с. 505]. Ключевое значение имеет теория М. Грановеттера о «силе слабых связей», которая в контексте социальных сетей находит свое максимальное подтверждение: платформы позволяют эф-

эффективно поддерживать обширные сети слабых связей и усиливать их влияние [7]. Эффективность коммуникации в сети определяется через ER-коэффициент. Данный показатель позволяет определить уровень вовлеченности в конфликт, степень активности взаимодействия аудитории с контентом конфликтной повестки относительно общего числа медийного поля, которое его просмотрело. Таким образом, потенциал социальных сетей в мобилизации и эскалации городских конфликтов может быть изучен через синтез классических и современных социологических подходов: теории сетевого общества Кастельса, концепции «силы слабых связей» Грановеттера, платформенного анализа Ван Дейка, Срничека, а также теорий трансформации публичной сферы и аффективных публик Хабермаса и Папахарисси.

Теоретическую базу исследования также составляют классические концепции постиндустриального общества (Д. Белл [8], Э. Тоффлер [9]), теории социального капитала и доверия (П. Бурдьё [10], Дж. Коулман [11], Ф. Фукуяма [12]), работы, посвященные распределению социального капитала (В. Н. Титов [13]), исследования современных отечественных ученых, в поле зрения которых – изучение стратегий акторов конфликтов, их альянсы, природа сложных локальных городских конфликтов (И. А. Скалабан, Ю. С. Лобанов [14], А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов [15], Е. В. Тыканова [16], Е. В. Тыканова, И. К. Шевцова, А. А. Желнина [17], А. В. Семенов, Э. Ю. Минаева [18], А. А. Желнина, Е. В. Тыканова [19]).

В условиях стремительной трансформации платформенной архитектуры социальных сетей существующие социологические модели не учитывают потенциал «силы слабых связей» и ER как факторов, позволяющих горожанам выводить локальный конфликт на федеральный уровень, минуя институциональные СМИ. Это определило логику данного исследования. Объект исследования – процесс медиатизации городских конфликтов. Предмет исследования – стратегии распространения информации о конфликте в социальных сетях в медийной инфраструктуре. Автор ставит цель выявить роль социальных сетей в процессах мобилизации и эскалации городских конфликтов в условиях современной медийной инфраструктуры. Для достижения этой цели необходимо типологизировать каналы медиаинфраструктуры и векторы эскалации городских конфликтов, определив роль и влияние на динамику конфликта показателя ER как индикатора конфликтогенности. Также стоит задача выявить условия перехода регионального конфликта в федеральную повестку и условия перетекания онлайн-конфликтов в офлайн. Основная гипотеза состоит в предположении, что социальные сети существенно трансформировали природу медийной инфраструктуры в целом, став основным ресурсом мобилизации и эскалации городского конфликта.

Методология и источники. Объектом эмпирического анализа стали конфликты 2022–2025 гг., отобранные из массива Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации «Конфликты NSK» (далее ГБД) [20]. Ядро агломерации образуют города Новосибирск, Бердск, Искитим, Обь, рабочий поселок Краснообск и Наукоград – рабочий поселок Кольцово. Численность населения Новосибирской агломерации составляет более 2 млн чел., Новосибирска – более 1,6 млн чел. Новосибирск – крупнейшее муниципальное образование РФ – не имеет четкой экономической специализации, поэтому городские конфликты генерируются проектами разных экономических и социальных сфер. Наполнение базы осуществляется с 2021 г. с помощью геокодирования медийно зафиксированных слу-

чаев городских конфликтов более чем по тридцати параметрам [21, с. 15]. Используется комплексный подход: «ручной» отбор основных новостных порталов города и их медиаданных сочетается с применением информационной автоматизированной системы мониторинга «Скан-Интерфакс», впоследствии замененной разработанным в ходе проекта программным инструментом с использованием систем искусственного интеллекта для сбора данных по событиям, имеющим признаки конфликта, и передачи их в ГБД из пяти крупнейших региональных информационных порталов.

На основе этого массива данных был проведен контент-анализ открытых городских и локальных тематических пабликов и Telegram-каналов, где шло обсуждение или осуществлялась активность по 127 изучаемым нами конфликтам 2022–2025 гг., относящимся к сферам строительства, культуры и общественных ценностей, межэтнических и религиозных отношений. Отбор производился из социальных сетей «ВКонтакте» и «Telegram» с помощью сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей Popsters. Анализу подверглись $L = 3070$ упоминаний конфликтов в социальных сетях. Основное внимание уделено коэффициенту ER, позволяющему определить уровень вовлеченности в проблему, активного взаимодействия аудитории с конфликтной повесткой (постом, статьей, видео) относительно общего числа медийного поля социальной сети, которые его просмотрели (охват).

Медийная инфраструктура движения информации и векторы эскалации городских конфликтов. Высокая динамика информационного обмена – ключевое условие формирования общего конфликтного пространства города в цифровую эпоху. Поэтому сетевая и медийная инфраструктура играют ключевую роль в репрезентации конфликтных повесток в городе и их продвижении в медийной иерархии с локального уровня до федерального. Чем шире информированность о проблеме, резонансность конфликта, тем выше его паблицитный капитал, который может быть инвестирован участниками в стратегии давления или благоприятного завершения конфликта.

Для продвижения повесток и отстаивания позиций участники конфликта могут использовать весь спектр каналов медиаинфраструктуры:

- институциональные каналы: сайты, страницы и каналы федеральных информагентств, федеральные и региональные СМИ, обладающие юридическим правом на распространение информации, высоким потенциалом давления и контроля за динамикой конфликта;
- квазиинституциональные каналы: крупные тематические сообщества в социальных сетях, а также страницы и каналы лидеров общественного мнения, не имеющие официальной регистрации, но обладающие аудиторным охватом, сопоставимым с традиционными СМИ (как правило, более 3000 подписчиков);
- неинституциональные каналы, объединяющие частные страницы и малые группы (менее 3000 подписчиков), способные выступать как «точками манифестации проблемы», так и первичными источниками информации о конфликте для более масштабных каналов.

Формально закон не проводит четкой границы по числу подписчиков, но, несмотря на отсутствие регистрации группы/канала в Роскомнадзоре в качестве СМИ, сообщество, на регулярной основе распространяющее информацию и имеющее широкий охват аудитории, в судебном органе может быть признано «аналогом СМИ». Кроме того, администратор паб-

лика подобного сообщества несет повышенную ответственность за размещенный контент (включая комментарии подписчиков, которые должны модерироваться).

Квазиинституциональные и неинституциональные каналы медиаинфраструктуры сегодня преимущественно обеспечивают первичное распространение информации о конфликтах. Городские и локальные паблики и чаты во «ВКонтакте» и «Телеграм» являются центральной ареной, одними из значимых полей стратегических действий, где конфликт обретает силу и масштаб. Здесь происходит процесс наделения информации ценностью, ее эмоционализация, запускается сетевая мобилизация, осуществляется общественное давление.

В настоящее время основными генераторами информации о конфликтах, продуцируемыми ими повестками стали социальные медиа: городские, локальные, тематические группы, паблики и чаты оборонительных сообществ, сформировавшихся вокруг конфликта. Производимый ими контент агрегируется региональными СМИ. В случае высокого уровня вовлеченности конфликты горожан имеют перспективу стать федеральной новостью, особенно если они созвучны общим трендам. В исследуемый период подобные стратегии продвижения были чаще свойственны конфликтным повесткам, концентрирующимся вокруг второго ядра городских конфликтов: безопасность и защита прав, содержательно или дискурсивно связанных с ростом антимигрантских настроений и риторикой защиты культурных ценностей.

Формирование и продвижение конфликтной повестки осуществляется с помощью многообразной медийной инфраструктуры. Критерием эффективности становится резонанс – ресурс, содействующий успешному для актора исходу конфликта. Анализ медиаконтента 127 конфликтов и 3070 упоминаний о них в социальных сетях позволил выделить несколько векторов использования медиаинфраструктуры в городских конфликтах.

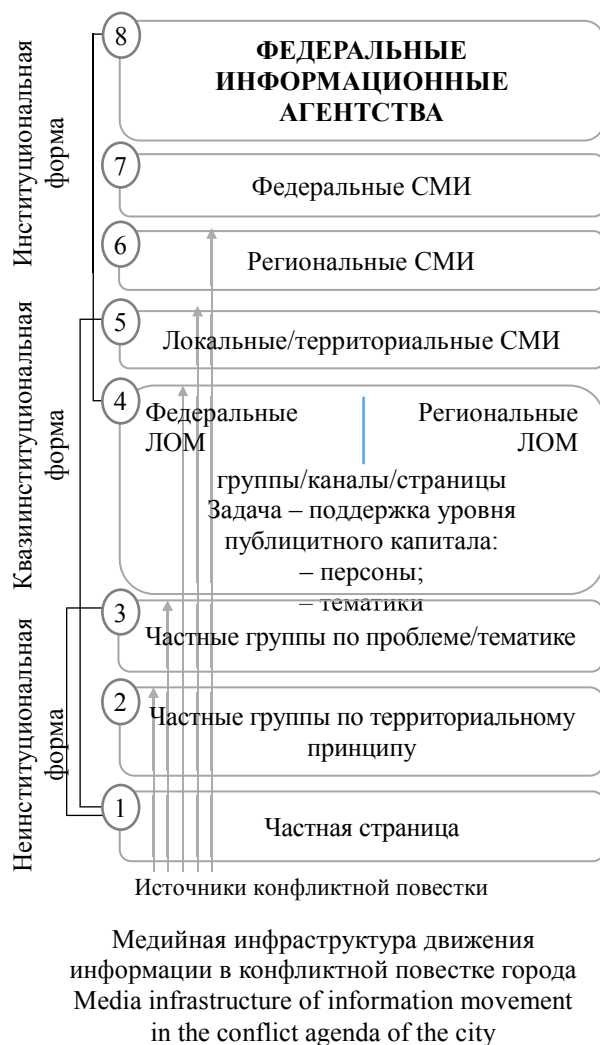
На рисунке представлена стратификация медийных каналов, основанная на их институциональном статусе, охвате и влиянии на эскалацию или деэскалацию конфликта.

Индикаторами классификации являются:

- аудиторный охват (локальный, региональный, федеральный);
- нормативный статус (наличие регистрации в Роскомнадзоре);
- социальный капитал акторов (восприятие и отношение аудитории и инструменты влияния);
- скорость реакции и последствия (влияние на власть, реакция властных и судебных структур, прокуратуры и активные реакции горожан в офлайн-среде).

Можно выделить восемь ступеней распространения конфликтной информации в медийной инфраструктуре движения информации в конфликтной повестке города, которые могут быть сгруппированы в три категории по принципу институциональности источника информации. В свою очередь, движение информации может осуществляться по вертикали и по горизонтали (см. рисунок).

Вертикальный вектор реализуется через соотнесение местной, городской конфликтной повестки с федеральной новостной повесткой, которая формируется через послания Президента или информационную повестку правительства и первых лиц, что существенно увеличивает количество реакций по близким к ним городским темам со стороны жителей. После террористического акта в «Крокус Сити Холле» (март 2024) и последовавшей за ним антимигрантской риторикой на федеральном уровне удельный вес локальных и городских конфликтов с этнически маркированной повесткой увеличился с 8 до 17 %. В настоящее время

их число сокращается. Однако наблюдается и обратная стратегия, когда повестки формируются исходя из ожидаемой вовлеченности путем включения в конфликт федеральных надзорных органов, структур власти, лидеров мнений федерального уровня. Из 20 конфликтов с высокой вовлеченностью ($ER > 5$) в семи случаях использовался механизм обращения в Генеральную прокуратуру РФ, Следственный комитет РФ, к уполномоченному по правам человека. Однако высокий резонанс лишь в трети случаев приводит к формально-правовой реакции надзорных органов («Вице-мэр Артем Скотов: дело о клевете», 2023, N 324, $ER = 14,57$; «Аварийный дом на ул. Лермонтова, г. Бердск» 2023, N 342, $ER = 8,66$; «Низкое качество дорожного строительства и ремонта», 2022, N 247, $ER = 8,42$; «Конкурс на право строительства мусорных полигонов», 2022, N 273, $ER = 7,84$). Но используется и обратная схема – поиск федеральными СМИ однотипных городских конфликтных кейсов для подтверждения конфликтной повестки как явления федерального уровня, что позволяет локальному или городскому конфликту использовать ресурсы медийной инфраструктуры страны.

Горизонтальный вектор – консолидация локальных акторов, носителей предметно близких конфликтных повесток, проходит через формирование общего информационного поля, координацию совместных действий в отношении фокусированной проблемы, значимой для горожан (например, тарифы ЖКХ, регулярные коммунальные аварии) или отдельных групп (например, жителей, попавших под программы КРТ), в условиях роста напряженности (проблема «накипела»).

Особенно выделяется наличие большого количества конфликтов, инициируемых сообществом или локальной гражданской группой. Фактически чаты, социальные сети в медиаинфраструктуре реализуют свои интересы путем «цифровизации повседневности». Рост числа локальных конфликтов, непосредственно связанных с городской средой, был продиктован появлением локальных каналов мобилизации и эскалации конфликтов (например, домовые чаты) на территории, которые предоставили жителям микрорайонов организационные ресурсы для мобилизации. За последние пять лет можно видеть массовый эффект формирования некой локальной идентичности «сообщества соседей». «Аффективные паблики – это сетевые сообщества, сплавляемые и синхронизируемые общими эмоциями. В их основе лежат подвижные, фоновые формы сопричастности, которые актуализируются и материализуются в публичном пространстве благодаря аффективным высказываниям»

[5, p. 125]. Надо отметить, что часто обсуждения соседями нейтральных тем превращаются в эмоциональные споры/конфликты и «вирусно» тиражируются самими горожанами.

Благодаря самоорганизации через чаты подъездов, домов, кварталов и целых микрорайонов, горожане мгновенно обсуждают проблемы, координируют действия и распространяют информацию, используя тактику «снизу»: пишут коллективные обращения в прокуратуру и Роспотребнадзор, привлекают депутатов и независимые СМИ. «Объединения граждан зачастую обладают меньшими ресурсами и возможностями для отстаивания своих прав и законных интересов перед органами власти и бизнесом. Однако они находят для себя оптимальные стратегии для успешной деятельности, среди которых можно отметить формирование коалиций или институционализацию с последующей включенностью в процесс принятия решений на городском уровне...» (цит. по [22, с. 21]). В этих случаях каналы, чаты локальных сообществ, вовлеченных в конфликты, играют дополнительную роль, предоставляя вовлеченным в похожие конфликты жителям не только информационную, но и методическую поддержку: как правильно составить обращение, претензию, собрать подписи, куда перспективно направлять, где найти правила благоустройства, СанПиНы, генеральные планы застройки.

Вовлеченность аудитории – влияние на динамику конфликта. Конфликты 2022–2025 гг. были оценены по уровню вовлеченности аудитории и на основании полученных эмпирических данных были выделены три группы конфликтов: первая – низкий ER (0–1); вторая – средний ER (1–5); третья – высокий ER (>5). В первой группе по уровню вовлеченности оказались преимущественно городские проблемы, во второй – локальные, в третьей – групповые (сформированные вокруг конкретной проблемы или события по интересу, частные сообщества). Наиболее высокий уровень вовлеченности формируется в условиях массовости аудитории ($ER \geq 5$). Его показывают конфликты с группой повесток «ЖКХ и городские службы: управление и эксплуатация». Здесь индекс вовлеченности может достигать значений выше 75, а последствия этих конфликтов ощущает на себе большинство горожан («Пыль в городе, или Пылесибирск» 2022, N 133, $ER = 30,73$; «Некачественная уборка снега: 2022–2023» 2023, N 252, $ER = 75,85$). В группе, где ER в диапазоне 1–5, преобладают повестки групп «Нежелательное соседство», «Этническая и социальная плотность среды» («Строительство общежития для мигрантов на Пригородной» 2023, N 438, $ER = 1,02$; конфликт вокруг незаконного бизнеса и общественного порядка между мигрантами-предпринимателями и соседями-новосибирцами, 2024, N 485, $ER = 1,54$). Среди конфликтов с низкой вовлеченностью аудитории лидируют повестки группы «Защита прав и ценностей (в том числе символических)», а также территориально локализованные конфликты, в том числе группы повесток «Проекты как проблема и угрозы» («КРТ Правобережье: микрорайон Карьер Мочище», 2023, N 682, $ER = 0,59$), «Жители Кропоткина, 128 против детского сада», 2022, N 110, $ER = 0,10$).

Медийная инфраструктура конфликтной повестки формируется под влиянием институциональных и сетевых факторов и фиксирует миграцию тем в различных медийных экосистемах для управления конфликтом.

Фактически формирование группы в социальной сети – это механизм компенсации недостатков работы масштабной городской администрации, которая не успевает или не хочет

реагировать на проблемы людей. Следующий шаг сообщества, сформировавшего позицию виртуально, – это перевод конфликта из Сети в жизнь, осуществление реальных действий уже в офлайн-среде.

Из 127 конфликтов более 40 трансформировали онлайн-активность в физические действия (и все они имеют коэффициент вовлеченности выше среднего): публичные слушания, митинги, пикеты, собрания, блокировки строительной техники, обращение в суд, прокуратуру. Например: «Мусорная забастовка: 2022» (N 345, ER = 7,69), «Застройка реки Ельцовки-2» (N 1805, ER = 6,47), «Новосибирцы против повышения тарифов ЖКХ» (N 293, ER = 11,24), «Отмена прямых выборов мэра в Новосибирске» (N 287, ER = 5,92).

Низкий ER практически гарантирует отсутствие перехода в офлайн. Если тема не интересна в социальных сетях, то на физическую активность нет никаких ресурсов. Однако высокий ER не означает автоматический переход в офлайн-поле, хотя присутствует значительная положительная корреляция.

Важно отметить, что количество упоминаний в социальных сетях, даже если они опубликованы в разных локальных группах, не определяет интерес или важность темы конфликта для горожан. Для анализа социальной напряженности определение уровня вовлеченности является более точным и важным показателем, так как отражает реальную силу эмоциональной реакции граждан на проблему, а не просто объем информационного шума вокруг нее.

Закключение. Социальные сети трансформировали природу медийной инфраструктуры и городского конфликта, стали ключевым ресурсом для мобилизации. На основе данных можно предположить, что условием попадания конфликтов в федеральную повестку является высокий ER в региональном поле. Второе условие – «типичность» проблемы для ряда регионов страны: наличие универсального социального недовольства, конфликты, имеющие отношение к общероссийской повестке, этномаркированные/этнические конфликты, социокультурные конфликты со множественностью акторов разных идеологических/культурных точек зрения.

Чаще всего мультиканальная стратегия применяется в сложных конфликтах, с высокой материальной или символической ценой, большим числом интересантов и акторов, поскольку их компетентные акторы (представители власти, бизнеса, «профессиональные общественники», лидеры оборонительных сообществ) обладают информационными каналами и достаточным публичным капиталом, доступом к дифференцированной структуре публичного информирования или административным контролем над медиаресурсами.

Информация из социальных медиа локальных, тематических, конфликтных групп (оборонительных сообществ [23; 24]) агрегируется региональными СМИ. В случае высокого уровня вовлеченности такие повестки горожан имеют перспективу стать федеральной новостью, особенно если они созвучны общим трендам.

Социальные сети создали условия для появления нового типа акторов, которые, обладая публичным капиталом и навыками работы в цифровой среде, могут целенаправленно формировать конфликтные повестки и управлять ими. А городские и локальные группы и каналы во «Вконтакте» и «Телеграм» становятся первичным источником информации с присущей неформальному полю коммуникации эмоционализацией, возможностью сетевой мобилизации и общественного давления. Многоуровневая медиаинфраструктура существенно упрощает тиражирование контента, его продвижение через локальные источники до феде-

рального уровня. Социальные сети действительно трансформировали медийную инфраструктуру, став основным ресурсом мобилизации и эскалации городского конфликта. Это стало возможно ввиду открытого доступ к главному ресурсу конфликтного поля – вниманию и доверию аудитории. Символический капитал, основа которого – вовлеченность горожан, одинаково открыт как агентам с сильными позициями (институциональные СМИ – верхний уровень иерархии), так и со слабыми позициями (активные жители микрорайона, профессиональные общественники, блогеры).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды // Brand Analytics. 14.12.2025. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Van Dijck J., Poell T., De Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.
3. Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017.
4. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. Д. В. Кузницына и др. М.: Весь Мир, 2016.
5. Papacharissi Z. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Т. 1. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. Грановеттер М. Сила слабых связей / пер. З. В. Котельниковой // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
9. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. С. Барабанова, К. Бурмистрова, Л. Бурмистровой и др. М.: АСТ, 2004.
10. Бурдье П. Формы капитала / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>
11. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / пер. Л. Стрельникова, А. Стасенко // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
12. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ, 2006.
13. Титов В. Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.
14. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С. Сложный городской конфликт: концептуальные основания анализа и эмпирическое описание // Социол. обозрение. 2025. Т. 24, № 1. С. 242–268. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268>
15. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292–314. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>
16. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / отв. ред. Е. В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>
17. Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социол. обозрение. 2024. Т. 23, № 2. С. 90–119. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>
18. Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 189–204. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>

19. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 205–222. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>
20. Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации «Конфликты NSK»: свид. на программу для ЭВМ № 2021622760 / И. А. Скалабан, З. Н. Сергеева (З. Н. Отто), Ю. С. Лобанов. Публ. 02.12.2021.
21. Городские пространства и сообщества в ракурсе изменений и конфликтов / под ред. И. А. Скалабан. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. DOI: <https://doi.org/10.17212/978-5-7782-5127-4>
22. Соколов А. В., Абрамовский И. С. Городские конфликты: стратегии борьбы акторов конфликта // Вестн. КемГУ. Сер. Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 1. С. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-20-28>
23. Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. 2022. Т. 31, № 4. С. 33–56. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>
24. «Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска / И. А. Скалабан, Ю. С. Лобанов, З. Н. Сергеева, С. Ю. Волченко // Социология власти. 2023. Т. 35, № 1. С. 190–218. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>

Информация об авторе

Отто Зоя Николаевна – кандидат социологических наук (2014), доцент (2016), доцент кафедры социологии и социально-массовых коммуникаций; научный сотрудник лаборатории городских исследований Института социальных технологий; начальник управления информационной политики Новосибирского государственного технического университета, ул. Немировича-Данченко, д. 136, Новосибирск, 630087, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология города, городские конфликты, медиаинфраструктура, цифровая коммуникация, сетевая мобилизация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.02.2026; принята после рецензирования 30.03.2026; опубликована онлайн 22.09.2026.

REFERENCES

1. Chernyi, V. (2025), "Social networks in Russia: numbers and trends", *Brand Analytics*, 14.12.2025, available at: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2025> (accessed 10.02.2026).
2. Van Dijck, J., Poell, T. and De Waal, M. (2018), *The Platform Society: Public Values in a Connective World*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
3. Srnicek, N. (2017), *Platform Capitalism*, Polity Press, Cambridge, UK.
4. Habermas, Yu. (2016), *Strukturwandel der Öffentlichkeit*, Transl. by Kuznitsyn, D.V. et al., Ves' Mir, Moscow, RUS.
5. Papacharissi, Z. (2015), *Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
6. Castells, M. (2000), *The Information Age Economy, Society and Culture*, Transl. by Shkaratan, O.I., vol. 1, HSE, Moscow, RUS.
7. Granovetter, M. (2009), "The Strength of Weak Ties", Transl. by Kotel'nikova, Z.V., *J. of Economic Sociology*, vol. 10, no. 4, pp. 31–50.
8. Bell, D. (1999), *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, Transl. by Inozemtsev, V.L. (ed.), Academia, Moscow, RUS.
9. Toffler, A. (2004), *The Third Wave*, Transl. by Barabanov, S., Burmistrov, K., Burmistrova, L. et al., AST, Moscow, RUS.
10. Bourdieu, P. (2002), "Les formes de capital", Transl. by Dobryakova, M.S., *J. of Economic Sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2002-5-60-74>

11. Coleman, Ja. (2001), "Social Capital in the Creation of Human Capital", Transl. by Strelnikova, L., Stasenko, A., *Social Sciences and Contemporary World*, no. 3, pp. 122–139.
12. Fukuyama, F. (2006), *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, Transl. by Pavlova, D., Kiryushchenko, V., Kolopotin, M., AST, Moscow, RUS.
13. Titov, V.N. (2012), "Distribution of social capital as a condition for modernization of Russian society", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 89–100.
14. Skalaban, I.A. and Lobanov, Yu.S. (2025), "Complex Urban Conflict: Conceptual Foundations and Modern Practices", *Russian Sociological Review*, vol. 24, no. 1, pp. 242–268. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268>
15. Belousov, A.B. and Davydov, D.A. (2024), "Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 292–314. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>
16. Tykanova, E.V. (ed.) (2021), *Goroda raskhodjashhihsja ulic: traektorii razvitija gorodskih konfliktov v Rossii* [Cities of diverging Streets: trajectories of urban conflict development in Russia], FNISC RAN, Moscow, SPb., RUS. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-351-5.2021>
17. Tykanova, E.V., Shevcova, I.K. and Zhelnina, A.A. (2024), "Alliances between authorities and activists in urban local conflicts", *Russian Sociological Review*, vol. 23, no. 2, pp. 90–119. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-90-119>
18. Semenov, A.V. and Minaeva, E.Yu. (2021), "The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia", *The J. of Social Policy Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 189–204. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>
19. Zhelnina, A.A. and Tykanova, E.V. (2021), "'Players' in 'Arenas': a Study of Interactions in Local Urban Conflicts (a Case Study of Saint Petersburg and Moscow)", *The J. of Social Policy Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 205–222. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>
20. Skalaban, I.A., Sergeeva, Z.N. (Otto, Z.N.), Lobanov, Yu.S. (2021), "Computer program certificate Geoinformation database of conflicts of the Novosibirsk agglomeration "NSK conflicts"", no. 2021622760.
21. *Urban spaces and communities in terms of changes and conflicts* (2023), in Skalaban, I.A. (ed.), Izd-vo NGTU, Novosibirsk, RUS. DOI: <https://doi.org/10.17212/978-5-7782-5127-4>
22. Sokolov, A.V. and Abramovsky, I.S. (2022), "Urban Conflict Actors and Their Strategies", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, vol. 7, no. 1, pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-1-20-28>
23. Skalaban, I.A., Sergeeva, Z.N. and Lobanov, Yu.S. (2022), "The Defendants. The defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk)", *Mir Rossii*, vol. 31, no. 4, pp. 33–56. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>
24. Skalaban, I.A., Lobanov, Yu.S., Sergeeva, Z.N. and Volchenko, S.Yu. (2023), "'The Level of Fears Is off the Scale!': Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study)", *Sociology of Power*, vol. 35, no. 1, pp. 190–218. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>

Information about the author

Zoya N. Otto – Can. Sci. (Sociology, 2014), Docent (2016), Associate Professor at the Department of Sociology and Social Mass Communications; Research Fellow at the Laboratory for Urban Studies, Institute of Social Technologies; Head of the Information Policy Department, Novosibirsk State Technical University, 136 Nemirovich-Danchenko st., Novosibirsk 630087, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: urban sociology, urban conflicts, media infrastructure, digital communication, network mobilization.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 10.02.2026; adopted after review 30.03.2026; published online 22.09.2026.*